

БИТВА ЗА НОВОРОССИЮ

Георгий ПОЛЕВОДОВ

СВЕРХСОВРЕМЕННАЯ
ВОЙНА
И СВО **ФИЛОСОФСКИЙ**
ВЗГЛЯД

Битва за Новороссию (Вече)

Георгий Полеводов

**Сверхсовременная война и
СВО. Философский взгляд**

«ВЕЧЕ»

2026

УДК 94(47)(061.3)
ББК 63.3(2)64-68

Полеводов Г. В.

Сверхсовременная война и СВО. Философский взгляд /
Г. В. Полеводов — «ВЕЧЕ», 2026 — (Битва за Новороссию
(Вече))

ISBN 978-5-4484-6021-0

Настоящая книга представляет собой опыт философского осмысления феноменов войны и мира, прослеживая их эволюцию от древнейших цивилизаций до современных реалий специальной военной операции России на Украине. Особое внимание в книге уделяется сетцентрической войне, при которой все участники боевых действий объединены в единую информационную сеть. В такой войне активно используются беспилотники, высокоточное оружие, хорошо защищённые устойчивые каналы и т. п. Автор – непосредственный участник событий на Донбассе с 2014 года – предлагает не только философский анализ, но и пытается осмыслить собственный жизненный опыт, полученный в условиях вооруженного конфликта. Этот уникальный ракурс придает исследованию особую остроту и достоверность.

УДК 94(47)(061.3)
ББК 63.3(2)64-68

ISBN 978-5-4484-6021-0

© Полеводов Г. В., 2026
© ВЕЧЕ, 2026

Содержание

Пролог от автора	6
Глава 1	8
Глава 2	13
Глава 3	18
Глава 4	20
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Георгий Валериевич Полеводов

Сверхсовременная война и СВО

Философский взгляд

© Полеводов Г.В., 2026

© ООО «Издательство „Вече“», 2026

Пролог от автора

*«Военное искусство и военная
стратегия есть не что иное,
как применение философских
онтологических парадигм».*

Дугин А. Г.¹

Замысел этой книги возник во время работы над диссертацией на соискание ученой степени кандидата философских наук. Сама работа называется «Война и мир как феномены человеческого бытия» и охватывает исследование данных феноменов, начиная с Древнего Китая и по сей день в парадигме ведения специальной военной операции России по денацификации и демилитаризации Украины. Однако наиболее обширный раздел диссертационного исследования как раз и посвящен сетцентрической войне – Network-centric warfare, или NCW, как высшей форме на сегодняшний день не только ведения военных действий, но и формирования глобального миропорядка. Игнорировать проблему – значит упустить ее, а поэтому в книге будут поставлены и ряд весьма неудобных вопросов касательно данных феноменов.

Вероятно, одна из актуальных проблем осмысления таких сложных явлений и социально-политических процессов состоит в том, что они остаются только лишь в рамках академических исследований.

Между тем интерес в обществе к подобной тематике довольно высок, однако утоляется он более простыми публицистическими материалами. Они актуальны, отвечают требованиям объяснения ситуации в моменте, но все же лишены глубины научного подхода. Естественным образом такая особенность отнюдь не является недостатком, поскольку проистекает от стремления охватить максимально возможно большую аудиторию. Но все же масштаб и глубина проблемы, глобальное влияние таких фундаментальных явлений, как война и мир, в человеческом бытии ускользают от понимания.

Кроме того, такая книга получилась очень личной. По сути, философское осмысление событий в том числе является и попыткой саморефлексии автора. В этом отношении автор этих строк оказался вовлечен в события на Донбассе с 6 апреля 2014 года, это не считая многочисленных митингов и протестных выступлений. А именно с 6 апреля 2014 года я стал добровольцем-медиком Первого добровольческого медицинского отряда ДНР. С тех пор довелось поработать на военном ремзаводе, послужить в медвзводе Отдельного танкового батальона ДНР «Дизель», стать членом Союза писателей ДНР, прорывая информационную блокаду республик Донбасса, поработать журналистом. Собственно и сейчас журналистика и публицистика наряду с профессиональной литературной деятельностью являются основой моей профессиональной деятельности. К философии как к основе всех наук я обратился как раз для того, чтобы сформулировать собственную систему взглядов на проблему войны и мира, подытожить тот весьма значительный жизненный опыт, который получил, сам того не желая...

Выдающийся немецкий мыслитель Георг Вильгельм Фридрих Гегель, по сути – «отец» всей европейской философии, писал свой первый научный трактат «Феноменология духа» в осажденном Наполеоном Бонапартом городе Йене. Так и сейчас вооруженный конфликт в Донбассе в частности и на Украине в целом актуализировал интерес к проблемам не только военным, но и мировоззренческим. Собственно эти строки написаны в городе шахтеров и металлургов, в Макеевке – в 20 километрах от Донецка. Попробуем со своей скромной точки

¹ Русская война. М.: Родина, 2023. 271 с.

зрения разобраться в той глобальной проблеме, которая в буквальном смысле слова стучится в окна каждого из нас, в любом самом отдаленном уголке нашей необъятной России.

Возьмем на себя смелость совместить научный и публицистический подход к восприятию и осмыслению войны и мира как явлений или феноменов. Тем более что актуальность такой темы трудно переоценить – особенно в наше непростое время. К тому же в определенной мере эта книга возникла из личного, экзистенциального стремления автора разобраться в проблеме, выстроить систему философского восприятия и осмысления над теми явлениями, в которые он сам и многие миллионы людей в Донбассе вовлечены с 2014 года.

Отметим также, что у автора нет желания демонстрировать в каждом абзаце собственную эрудицию, поэтому в этой книге мы намеренно уйдем от сухого академического языка в той мере, чтобы не пострадала суть изложенного материала. Будем руководствоваться словами, которые приписывают Альберту Эйнштейну: «Если ты не можешь объяснить свою теорию 8-летнему ребенку – значит, ты сам не понимаешь, о чем говоришь, и грош цена такой теории». Однако отметим, что публицистичность изложения материала отнюдь не означает упрощения. В целом данная книга, будем надеяться, рассчитана на весьма широкую аудиторию читателей. Ссылки на цитаты вынесены в сносках, а в конце книги имеется список литературы.

Итак, начнем наш «путь в тысячу ли»...

Глава 1

Война – истоки явления

Феномены войны и мира сопровождают человечество всю его многовековую историю. Соответственно, вооруженный конфликт, его предпосылки, последствия, морально-этическая и социально-политическая оценка, а также стремление построить мир без войн являлись предметом изучения мыслителей различных эпох и государств. Проблемы вооруженных конфликтов и мирного сосуществования затрагивают обширную область человеческого знания: философию, историю, политику, социологию, технику, математику и естественные науки.

Отметим, что под влиянием вооруженных конфликтов сформировался также отдельный комплексный массив сугубо утилитарного военного знания, которое объединяет в себе стратегию, тактику, логистику. Также следует учесть, что многие области науки несут в себе приставку «военная»: история, журналистика, медицина и даже топография и метеорология.

Философия как наиболее древняя и обширная область человеческого знания является важнейшим инструментом для восприятия и осмысления феноменов войны и мира в их бытийном, личностном, социальном и политическом аспектах.

Многозначность аспектов войны и мира как феноменов человеческого бытия актуализирует их сущность через процессы развития социальных наук, которые стремятся разработать модель развития общества с учетом влияния на него этих как наиболее глобальных и общезначимых феноменов, определяющих развитие цивилизации. И соответственно – научного философского поиска в этой наиболее экстремальной и спорной области знания. Эклектика и синергия, лежащие в основе самого феномена войны, также характеризуют это глобальное явление, формируя новые эмерджентные признаки военных конфликтов, – о чем будет сказано далее.

Соответственно, войной можно назвать вооруженный конфликт между двумя или более политическими силами, ведущийся преимущественно насильственными методами и преследующий определенные социально-политические цели.

Задумываться над проблемами войны и мира стали еще в древние века, и тут определенный приоритет принадлежит Древнему Китаю.

Примечательно, что в Поднебесной империи роль воинской верхушки, в отличие от других оседлых земледельческих цивилизаций, таких как шумеро-аккадская, вавилонская, египетская, отнюдь не являлась главенствующей. А вот для Китая того времени стала характерной ведущая роль чиновников-администраторов, необходимых для управления огромными территориями, населенными различными племенами, народностями и народами. Воинская знать играла важную роль в государственной жизни Поднебесной империи. Однако она влияла на нее во многом лишь в рамках своей профессиональной направленности. Подобное разделение позволило не только сформировать – одним из первых в мире – эффективный аппарат государственного управления и ввести всеобщий государственный экзамен – кэцзюй, на должности чиновников. Отделение интеллектуальной прослойки общества от военной знати позволило сформировать более объективный и непредвзятый взгляд на сам многообразный и важный для государства и общества феномен войны.

Именно китайские философы одними из первых стали осмысливать войну и мир как наиболее значимые феномены человеческого бытия. «Война – это важное государственное дело. Место [где решается] – жить или умереть, путь к выживанию или гибели. [Поэтому] в ней нельзя не разобраться»², – гласит высказывание одного из самых известных китайских мудрецов Сунь-Цзы.

² Искусство править миром. Искусство войны / Сунь-Цзы; перевод с китайского В.В. Башкеева. Книга пяти колец / Мия-

Таким образом, китайскому мыслителю Сунь-Цзы (453–403 гг. до н. э.) принадлежит несомненный приоритет в комплексном, в том числе и философском осмыслении проблемы вооруженного конфликта. В своем знаменитом труде «Чжэнчжан» – «Искусство войны» он обосновал одно из ключевых понятий вооруженного конфликта: «Война – это путь хитрости». В нем древнекитайский мыслитель связал проблематику вооруженного конфликта с искажением истины. Видоизменившись за прошедшие века, это крылатое изречение доступно нам в другой форме, не меняющей, однако, его содержания: «Искусство войны – это искусство обмана».

Если обратиться к определению Сунь-Цзы, вынесенному в начало этого раздела, следует отметить, что уже тогда китайский мыслитель выделял всеобъемлющий и комплексный характер войны, а также связывал значение этого феномена с политикой и общественной жизнью. Таким образом, глобальность, а также социально-политические и социокультурные определяющие факторы войны были очевидны уже мыслителям Древнего Китая. Война у Сунь-Цзы рассматривается как органическое целое, начиная с дипломатии и мобилизации и заканчивая шпионажем. Идеальная победа – это подчинение других государств дипломатическими методами, без вступления в военные действия. Поэтому необходимо вести активную дипломатию, разрушать союзы противника и ломать его стратегию. Китайский философ постоянно подчеркивает, что военные действия – это дорогое занятие, приносящее убыток государству и бедствия народу. Поэтому война должна быть быстрой, эффективной и мобильной. Затягивать войну негуманно по отношению к народу.

Сунь-Цзы считает войну необходимым злом, которого следует избегать как только возможно. Войну следует вести быстро во избежание экономических потерь: «Тот, кто не знает сполна всего вреда от ведения войны, не сможет узнать сполна и всю выгоду от войны»³. Согласно «Искусству войны», следует избегать резни и зверств, потому что это может спровоцировать сопротивление и дать противнику возможность обратить войну в свою пользу. Таким образом, Сунь-Цзы впервые в письменных источниках обращает внимание на гуманные способы ведения войны.

Феномены войны и мира также находились в фокусе внимания философской мысли другого важнейшего центра цивилизации – Античности.

Но для нас важнее, что сама по себе суть войны, ее онтологический статус, связанный с антропоцентричностью самого явления, не менялся на протяжении веков и тысячелетий.

Так, античный мыслитель Демокрит Абдерский (460–370 гг. до н. э.), которого принято считать первым энциклопедистом Древней Греции, написал сочинения «О военном строе» и «О вооруженном бое», однако данные труды не сохранились.

Об этих трактатах и о самой личности философа нам известно из более поздних работ историка античной философии Диогена Лаэртского. По его свидетельству, Демокрит Абдерский проводил четкое разграничение между внутренними и внешними войнами. Внутренние войны он считал большим несчастьем для государства: «Гражданская война есть бедствие для той и другой враждующей стороны. Ибо и для победителей, и для побежденных она одинаково гибельна. Таких войн следует избегать. Войны же против внешнего врага, объединяющие государство в единую силу, способствуют победе и славе».

Таким образом, можно считать, что именно Демокрит Абдерский впервые в мировой истории применил классификацию военных конфликтов.

мото Мусаси; перевод с японского Р.В. Котенко, А.А. Мищенко, А.А. Петрова. Изречения / Конфуций. перевод с китайского П.С. Попова. М.: АСТ: ОГИЗ, 2023. 352 с. (Классика истории и культуры. Лучшее). Текст: непосредственный. С. 32.

³ Искусство править миром. Искусство войны / Сунь-Цзы; перевод с китайского В.В. Башкеева. Книга пяти колец / Миямото Мусаси; перевод с японского Р.В. Котенко, А.А. Мищенко, А.А. Петрова. Изречения / Конфуций; перевод с китайского П.С. Попова. М.: АСТ: ОГИЗ, 2023. 352 с. (Классика истории и культуры. Лучшее). Текст: непосредственный. С. 37.

В дальнейшем серьезное внимание тематике войны уделял в своих философских размышлениях Платон (427–347 гг. до н.э.), в частности – в диалогах «Государство», «Законы», «Федон», «Тимей». Философ считал войну постоянной реальностью жизни человеческого общества, т.к. «у всех в течение жизни идет непрерывная война со всеми государствами», мир же, по его мнению, «есть только имя» и на деле не существует⁴. Платон также разделяет войны на внутренние и внешние.

Оценку проблеме войны дает в философских трудах «Политика» и «Никомахова этика» Аристотель (384–322 гг. до н.э.).

В свою очередь, выдающийся римский философ Марк Туллий Цицерон (106–43 гг. до н.э.) рассматривает феномены войны и мира относительно проблем человеческого существования. «Так как существует два способа разрешать споры, один – путем обсуждения, другой – силой, причем первый свойствен человеку, второй – диким зверям, то ко второму надо обращаться тогда, когда воспользоваться первым невозможно»⁵, – пишет античный мыслитель. По его мнению, война оправдана как ответ на некое правонарушение: нападение врага, предательство и вероломство.

Поскольку центров развития цивилизации было несколько, то и социально-политические и культурные процессы имели общие принципы развития. Их отразил в своей историко-философской концепции «Осевое время» (Achsenzeit)– Карл Ясперс. Согласно его воззрениям, осевое время – это период в истории человечества, когда на смену мифологическому мировоззрению пришло рациональное или философское⁶. Впервые подобную концепцию Карл Ясперс высказал в философском труде «Истоки истории и ее цели», вышедшем в 1949 году.

С развитием общества уже в Средневековье меняется и отношение к вооруженным конфликтам и восприятию мира. Этот период характеризуется преимущественно церковным мировоззрением на различные аспекты человеческого бытия. Не стали исключением в этом случае и войны.

Кроме сражений с внешним врагом за территории и ресурсы, период Средневековья характеризовался еще и феодальными, а также религиозными конфликтами. Так, например, известны многочисленные Крестовые походы XI–XV веков под эгидой католической церкви и специально созданные для этого духовно-рыцарские ордена, такие как рыцари Храма, или тамплиеры, или же, например, другой орден, такой как госпитальеры.

В частности, в Средневековье получила развитие концепция «справедливой войны».

Августин Блаженный (Аврелий Августин Иппонийский; 354–430 гг.) в своем сочинении «О граде Божьем» развивал идеи справедливой войны. Он считал войну проявлением Промысла Божьего – как наказание за грехи или возможное испытание, настаивал на долге каждого человека и государства, следуя заповеди любви, защищать невинных от злодея, в том числе, если понадобится, вооруженными средствами. Согласно Августину, необходимость войны вытекает из греховности человека. «...Заповеди „не убивай“ отнюдь не преступают те, которые ведут войны по велению Божию»⁷, – отмечает философ.

В свою очередь, средневековый схоласт и теолог, «princeps philosophorum» – «князь философов», Фома Аквинский (1225–1274) в работе «Сумма теологии» – Summa theologiae

⁴ Платон. Сочинения в 4 томах. Т. 3. Ч. 1 / Под общ. ред. А.Ф. Лосева и В.Ф. Асмуса. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета; «Издательство Олега Абышко», 2007. 752 с. Текст: непосредственный.

⁵ Цицерон Марк Туллий. О природе богов: трактаты / Пер. с лат. С.И. Блажеевского, М.Л. Гаспарова. СПб.: Азбука-Аттикус, 2021. 448 с. Текст: непосредственный. С. 67.

⁶ Ясперс К. Смысл и назначение истории / Вступ. статья П.П. Гайдено; Пер. с нем. М.И. Левина. М.: Издательство политической литературы, 1991. 527 с. Текст: непосредственный.

⁷ Блаженный Августин. О граде Божием // Блаженный Августин. Творения. Т. 3 / Под ред. С.И. Еремеевой. СПб.: Алетей; Киев: УЦИММ-Пресс, 1998. 595 с. Текст: непосредственный. С. 35.

⁸ Блаженный Августин. О христианской борьбе / Пер. с лат. предисл., примеч. диакон Августин Соколовский; ред. А.Р. Фокин. М.: Центр библейско-патрологических исследований, 2010. 136 с. С. 26.

(между 1265 и 1273 годами) указывал на право пропорционального использования вооруженной силы как для защиты третьих лиц, так и для самозащиты. Война, по мнению философа, является проявлением любви к Богу, если она справедлива⁹.

Уже в Новое время взгляды на войну и мир развил итальянский мыслитель, политический деятель, философ, писатель, автор военно-теоретических трудов Никколо Макиавелли (1469–1527). В своем ключевом труде «Государь», вышедшем в 1532 году, он характеризует войну как оправданную необходимость¹⁰. Свои воззрения на войну и политическую власть Макиавелли развивает и в других трудах: «Рассуждениях о первой декаде Тита Ливия» от 1531 года и «Истории Флоренции», изданной в 1532 году. Макиавелли являлся сторонником жесткой верховной власти, исключительного верховенства правителей и государей в военно-политическом управлении государством. А также признавал силовые методы политического контроля: «*Finis sanctificat media*» – «Цель оправдывает средства»¹¹.

Менее известна другая его цитата: «*Profeti armati vincono*» – «Вооруженные проповедники побеждают». Тем самым итальянский мыслитель подчеркивает взаимосвязь силы оружия и добродетели, отмечая, что одно дополняет другое в политике. В то же время Никколо Макиавелли выступает за рационалистический подход к власти.

Стоит отметить, что, несмотря на резкую критику воззрений Никколо Макиавелли, его взгляды лишь отражали ту общественную и политическую парадигму, в которой он существовал. Исходя из множества современных событий и политических явлений, можно утверждать, что философия Никколо Макиавелли остается актуальной и в XXI веке.

С Никколо Макиавелли полемизирует голландский философ, юрист и государственный деятель Гуго Гроций (1583–1645). Он усматривал прямую связь между отверганием принципов «государственных интересов» и утверждением концепции правового и морального единства человечества.

Собственное понимание справедливой войны Гроций изложил в фундаментальном труде «Три книги о праве войны и мира», изданном в 1625 году. К этому труду ученый приступил в надежде, что он сможет повлиять на прекращение Тридцатилетней войны – череды военных конфликтов в Европе 1618–1648 годов. Он стремился привнести большую долю гуманизма в способы ведения войн и выступал за установление правопорядка, действующего в отношении всех воюющих сторон в послевоенный период¹². Справедливые войны, по Гуго Гроцию, – те, которые ведутся в ответ на совершенное беззаконие как для самообороны, так и для того, чтобы вернуть себе захваченную собственность или для наказания обидчика. Философ не считал, что народы, живущие под чужим владычеством, имеют законное право прибегать к военным действиям в том случае, если владычество (доминион, протекторат) носит законный характер.

Интересно, что Средневековье стало историческим периодом, когда появился первый официально задокументированный запрет на применение определенного вида оружия ввиду его исключительной мощи, простоты применения и высокой эффективности. Речь идет об арбалете.

Это метательное оружие уравнило шансы на поле боя тяжеловооруженных рыцарей и простой пехоты, одновременно с этим позволило перейти к массовому вооружению сначала

⁹ Гулевский А.Н., Гулевская Н.А. Апология войны в западной средневековой христианской философии / А.Н. Гулевский, Н.А. Гулевская // Известия Волгоградского государственного технического университета. Серия: Проблемы социально-гуманитарного знания. 2013. № 9. С. 23–27. Текст: непосредственный.

¹⁰ Макиавелли Н. Государь / Пер. с итал. Г. Муравьевой. М.: Планета, 1990. 84 с. Текст: непосредственный. С. 24.

¹¹ Там же. С. 53.

¹² Lauterpacht H. The Grotian Tradition in International Law / H. Lauterpacht // 23 Brit. Y.B. Int'l L. 1.16 (1946). Text: direct. Pg. 105.

городского ополчения, а затем и регулярных армий. Поэтому по решению Второго Латеранского собора в 1139 году в Ватикане арбалет был запрещен.

Но запрет, основанный на практике «справедливой войны», касался только применения этого оружия против католиков. Против же представителей иной веры использование такого массового и мощного вида вооружения не воспрещалось¹³. Однако в дальнейшем подобный запрет игнорировали все участники различных вооруженных конфликтов Средневековья, и арбалет оставался на вооружении вплоть до Первой мировой войны.

На подобном примере мы видим едва ли не впервые в истории переход самого вида вооружения в новое качество: от простого оснащения воина к важнейшему определяющему фактору самого военного конфликта. С точки зрения законов философии можно утверждать, что произошел диалектический переход количества в новое качество.

Как мы видим, на протяжении Средневековья взгляды на войну и мир как значимые феномены человеческого бытия претерпели весьма значительные перемены в области философского осмысления. В итоге в обществе утвердилось и развилась концепция «справедливой войны».

В дальнейшем новые вооруженные конфликты принимали все более угрожающий – тотальный характер. Именно поэтому идеи голландского юриста и философа Гуго Гроция нашли реальное воплощение в мирных договорах, прекративших кровопролитие.

¹³ *Панченко Г.К.* Луки и арбалеты в бою / Григорий Панченко. М.: Яуза; Эксмо, 2010. 336 с.

Глава 2

Спор двух великих о войне и мире

Вполне естественно, что с изменением культурно-исторических и социально-политических условий жизни философы старались по-новому трактовать такие глобальные феномены, как война и мир. Следующим важным шагом на этом пути стал трактат «К вечному миру» 1795 года «кенигсбергского затворника» и «изящного магистра» – Иммануила Канта, величайшего мыслителя своего времени.

Философское наследие Иммануила Канта настолько масштабно и многогранно, что породило отдельные направления исследований: кантианство, кантоведение и кантофилологию. Его научные изыскания оказали влияние на таких выдающихся философов, как Николай Бердяев, Иоганн Готлиб Фихте, Георг Вильгельм Фридрих Гегель, Артур Шопенгауэр, Эдмунд Густав Альбрехт Гуссерль, Мартин Хайдеггер, Фридрих Ницше и других.

Иммануил Кант не только разработал современную систему морально-этических координат, которые стали основополагающими в современном социуме и выдержали испытание временем, но и перешел от утверждения дефиниций моральных законов к рассмотрению возможностей их практического применения. Новизна философского подхода «кенигсбергского затворника», как его называли современники, заключается в том, что Кант в качестве регулирующего фактора в международных отношениях применил правовой подход, который до него использовался только лишь во внутrigосударственных вопросах. При этом, согласно мировоззрению философа, юридическая основа приобрела форму самодовлеющего морального закона.

Основатель доктрины трансцендентального идеализма рассматривал свое отношение войны и мира в контексте сформулированного им же ранее категорического императива. «Поступай так, как если бы максима твоего поступка посредством твоей воли должна была стать всеобщим законом природы», – утверждал философ¹⁴. В свою очередь, максима определяется Кантом как субъективный принцип совершения поступков. Также, исходя из категорического императива, его принципом является следующее утверждение: «Разумное естество существует как цель сама по себе». Следовательно, категорический императив принимает такую форму дефиниции: «Поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице, и в лице всякого другого также как к цели и никогда [...] как к средству»¹⁵.

При этом, согласно Канту, человеческая воля действует вне зависимости от текущей проблематики события или социального явления и имеет форму объективного нравственного закона. Чистый практический разум, по мнению философа, опирается на волю, движимую одной лишь формой закона.

Данные морально-этические положения впервые были высказаны в труде Канта «Основы метафизики нравственности», вышедшем в 1785 году, и более подробно исследованы в его трактате «Критика практического разума» уже в 1788 году.

Необходимо отметить, что Иммануил Кант не только впервые разработал систему морально-этических координат, но и перешел от утверждения определений моральных законов к практике их рассмотрения и утверждения в правовом поле международных отношений. Новизна такого философского взгляда на столь сложную проблему заключалась в том, что в качестве регулирующего фактора в международных отношениях Кант системно применил правовой подход, который до него использовался лишь во внутrigосударственных вопросах.

¹⁴ Кант И. Критика чистого разума. Критика практического разума. Критика способности суждения / Пер. с нем. Н. Лосского, Н. Соколова. СПб.: Азбука-Аттикус, 2021. 1056 с. Текст: непосредственный. С. 261.

¹⁵ Там же. С. 270.

При этом, согласно мировоззрению философа, юридическая основа приобрела форму самодовлеющего морального закона.

«Предварительные статьи» трактата описывают шаги, которые следует предпринять немедленно в деле организации «Вечного мира»:

1. Ни один секретный мирный договор не может считаться действительным, если в нём есть молчаливый повод для будущей войны.

2. Никакие независимые государства, большие или малые, не могут оказаться под властью другого государства путем наследования, обмена, покупки или дарения.

3. Постоянные армии должны быть полностью упразднены.

4. Государственные долги не могут быть аннулированы или уменьшены из-за внешних конфликтов между государствами.

5. Ни одно государство не должно силой вмешиваться в Конституцию или правительство другого государства.

6. Ни одно государство не должно во время войны допускать такие враждебные действия [...] как использование тайных убийц (*percussores*), отравителей (*venefici*), нарушение капитуляции и подстрекательство к измене (*perduellio*) в противоположном государстве¹⁶.

Три «Окончательные статьи», по мнению Канта, должны обеспечить не просто прекращение военных действий, но и основу для построения мира. Сюда входят следующие требования:

1. Гражданская конституция каждого государства должна быть республиканской.

2. Право народов будет основано на федерации свободных государств.

3. Права людей как граждан мира ограничиваются условиями всеобщего гостеприимства¹⁷.

Согласно Канту, война – это пережиток «естественного», первобытного, нецивилизованного состояния общества, некий социальный атавизм, неизбежное зло, которое не теряет своей негативной коннотации от собственного наличного существования. «Война есть печальное, вынужденное средство в естественном состоянии (когда нет никакой судебной инстанции, приговор которой имел бы силу закона) [...] и лишь исход войны [...] решает, на чьей стороне право»¹⁸, – писал кенигсбергский мыслитель.

Он также утверждал, что наличие армии – уже повод к войне. Кроме того, Кант считал, что в регулярных армиях нарушаются естественные права человека. «К тому же нанимать людей, для того чтобы они убивали или были убиты, означает пользоваться ими как простыми машинами или орудиями в руках другого (государства), а это несовместимо с правами человечества в нашем собственном лице»¹⁹, – утверждал философ. Это практическое утверждение И. Канта, в свою очередь, апеллирует к важнейшему постулату категорического императива о том, что к человеку следует относиться не как к средству, а только лишь как к цели.

Допуская «праведную войну», Иммануил Кант считал ее все же исключительным событием и настаивал на возможности диалога соперничающих сторон. «Только если закон, одинаково действующий для всех, возникает из акта, в котором все постановляют обо всех [...] существует гарантия отсутствия нарушения права»²⁰, – считал мыслитель.

В противовес этому философ искал возможность создать такую международную политическую систему, которая бы утвердила мир не как перемирие между неизбежными войнами, но

¹⁶ Кант И. К вечному миру / И. Кант // Гражданское общество в России: научная электронная библиотека. URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Kant.K_vechnomu_miru.pdf (дата обращения: 10.04.2024). Текст электронный. С. 2–4.

¹⁷ Там же. С. 8–17.

¹⁸ Там же. С. 5.

¹⁹ Кант И. К вечному миру / И. Кант // Гражданское общество в России: научная электронная библиотека. URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Kant.K_vechnomu_miru.pdf (дата обращения: 10.04.2024). Текст электронный. С. 3.

²⁰ Там же. С. 38.

как незыблемый и самодостаточный феномен. Также единственная тайная статья трактата «К вечному миру» прямо относится к морально-этическим максимам Канта: «Государства, вооружившиеся для войны, должны принять во внимание максимы философов об условиях возможности общего мира»²¹. Таким образом, Кант развивает основы построения некоего «союза мира» – *foedus pacificum* на основе моральных законов, поскольку «мораль уже сама по себе есть практика в объективном смысле»²².

Увы, но сам автор в другом произведении утверждал, что вечный мир невозможен. «Принципы величайших обществ, называемых государствами [...] ни один философ не мог еще согласовать с моралью и взамен которых он не в состоянии (что очень плохо) предложить лучшие принципы, совместимые с человеческой природой»²³, – писал И. Кант ранее в труде «Религия в пределах только разума» в 1793 году. Тем самым он вполне отдавал себе отчет о невозможности достижения идеального хилиастического государственного устройства. «Философский хилиазм, который надеется на утверждение вечного мира, всеми осмеивается, как мечтательность»²⁴, – писал Иммануил Кант.

Все же следует учесть, что мнение Канта, каким бы авторитетным оно ни было, является взглядом идеалиста и гражданского человека на сугубо утилитарные вопросы организации и ведения непосредственного военного конфликта. Кант, в частности, считал, что постоянные армии (*miles perpetuus*), как он их называл, должны исчезнуть, поскольку само их существование провоцирует вооруженные конфликты и неконтролируемую гонку вооружений. Как альтернативу он предлагал создание добровольного вооруженного ополчения на иррегулярной основе.

Но не только с высоты развития современных технологий, но и применительно к временам выдающегося философа такие мысли являются весьма спорными, особенно если учесть сугубо утилитарный контекст. Ведь регулярная армия является официальной государственной структурой, основанной на дисциплине.

Однако в более широком масштабе идеи Иммануила Канта о создании всеобъемлющего мирного договора, который смог бы систематически исключить саму возможность войны, во многом легли в основу формирования Организации Объединенных Наций, а также формирования системы международного права.

Также вполне обоснованными являются весьма прагматичные идеи философа о движущей силе торговли и денежной системе как гарантии от возникновения новых глобальных военных угроз. Кант считал, что «дух торговли», рано или поздно овладевающий каждым народом, несовместим с войной, поскольку ставит под сомнение выгоду. Сила денег является наиболее надежной из всех сил, подчиненных государственной власти. Поэтому государства вынуждены содействовать миру там, где реальна угроза войны. Однако и тут философ делает значимую оговорку: правительства вынуждены так действовать не из моральных побуждений, а из соображений практической выгоды.

Резюмируя вышесказанное, отметим, что идеи Канта о всеобщем мире актуальны и в наше время. Более того, в нынешнюю эпоху сетецентрических войн и «гуманитарных конфликтов малой интенсивности» общество постепенно погружается в череду перманентного вооруженного противостояния без альтернативы устойчивого мира. В этом аспекте стремление к такому своду законов, который, согласно воззрениям И. Канта, исключал бы саму возможность возникновения войн, видится наиболее логичным и социально значимым в контексте всеобщей безопасности.

²¹ Там же. С. 27.

²² Там же. С. 28.

²³ Кант И. Трактаты и письма / Пер. с нем. Н. Вальденберга [и др.]. М.: Наука, 1980. 709 с. Текст: непосредственный. С. 105.

²⁴ Там же. С. 105.

Важно, что с момента написания трактата «К вечному миру» человечество накопило весьма солидный гуманитарный и правовой потенциал в деле контроля за вооруженными конфликтами. Вероятно, именно сейчас, путем экзистенциального осмысления философского наследия Иммануила Канта, не только возможен, но и критически необходим тот самый «Союз мира» (*foedus pacificum*), о котором писал великий «кенигсбергский затворник».

Альтернативой «Союза мира» Кант видел «гигантское кладбище человечества». Тут уместно отметить, что с немецкого *Zum ewigen Frieden* переводится еще и как «вечный покой», что предполагает некий второй и гораздо более очевидный смысл высказывания философа...

С положениями трактата Иммануила Канта полемизировал другой титан немецкой классической философии – Георг Вильгельм Фридрих Гегель. Он завершил написание основополагающего труда «Феноменология духа» 13 октября 1806 года – в ночь битвы при Йене, выигранной Наполеоном Бонапартом, оставаясь буквально «до последней строчки» в осажденном городе. Именно в этом городе Георг Гегель и увидел Бонапарта, который, «восседаая на коне, охватывает весь мир и властвует над ним»²⁵.

В дальнейшем Гегель коснулся феноменов войны и мира в труде «Философия права» в 1821 году. Войну философ рассматривает как важнейший фактор сохранения суверенитета государства, она требует жертв, но более всего – высокой организованности и дисциплины «порядка и послушания, а также отказа от собственных размышлений»²⁶.

С другой стороны, в войне, которая является законной и справедливой, Гегель призывает к решимости. „Хотя право на жизнь является священным, приходится от него отказываться, если этого требует государство от своих граждан. Право государства – выше прав отдельного человека“²⁷, – утверждает философ.

Следует рассмотреть, как менялись воззрения Гегеля на феномены войны и мира. В „Первой программе системы немецкого идеализма“ – в 1796 году философ еще рассуждает об идеях о „вечном мире“, высказанных другим немецким философом и богословом – Иоганном Гердером (1744–1805), и включает эту концепцию как неперенное требование в свои рассуждения.

Как отметил позже известный советский и российский философ, историк философии и литературовед Арсений Гулыга (1921–1996): „В свою гуманистическую программу Г.В.Ф. Гегель принимает как само собой разумеющееся пункт о вечном мире и осуществление его связывает с реализацией идеи истины, блага и красоты“²⁸.

В своем труде „Жизнь Иисуса“ в 1796 году философ также размышляет пока что вполне в русле вышедшее годом ранее произведение Канта „К вечному миру“.

Но уже в „Конституции Германии“ немецкий мыслитель резко отмежевывается от позиции „кенигсбергского затворника“, который пытался подчинить политику не только праву, но и морали. „Пусть моральная сила прав будет непоколебимо установлена, но способна ли она сохранить их действенность? Из-за неопределенности прав могут возникнуть пререкания, из-за их определенности должны произойти их столкновения; и в этом столкновении право может отстоять себя, только опираясь на силу“²⁹, – весьма категорично утверждал Георг Гегель.

Философ не сомневался: политика должна принимать правовые формы, но реальные права в политической действительности определяются не отвлеченно, но предельно исторически конкретно.

²⁵ Гегель Г.В.Ф. Философия права. М.: Азбука-Аттикус, 2023. 476 с. Текст: непосредственный. С. 225.

²⁶ Там же. С. 363.

²⁷ Там же. С. 394.

²⁸ Гулыга А.В. Гегель / А.В. Гулыга. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Молодая гвардия, 2008. 263[9] с.: ил. Текст: непосредственный. С. 23.

²⁹ Гегель Г.В.Ф. Политические произведения / Под ред. Б.М. Кедрова, В.М. Богуславского, А.В. Гулыги [и др.]. М.: Наука, 1978. 440 с. Текст: непосредственный. С. 364.

„...война – или что бы там ни произошло – должна установить не истинность права той или другой враждующей стороны, ибо истинны права обеих сторон, – а прийти к решению по поводу того, какое право должно уступить в этом столкновении другому. И решить это должна война именно потому, что оба эти столкнувшиеся права в равной степени истинны, и нарушить это равенство, создать возможность соглашения путем уступки одного права другому, может, следовательно, только нечто третье, т. е. война“.

Особенное внимание Георг Гегель обращает на то, чтобы придерживаться норм международного права во время войны: „В каждом мирном договоре стороны поддерживают решения о мире и во время каждого объявления войны мы слышим, что иная сторона нарушила договор“³⁰.

Таким образом, ярко выраженный беллиционизм – по сути, воинственность – Георга Гегеля, основанный на переживании личного, экзистенциального опыта, входит в конфликт с воззрениями на феномены войны и мира Иммануила Канта, который тяготел более к академичной модели построения общества того времени с опорой на развивающуюся тенденцию мировой юриспруденции. В этом отношении показателен спор с точки зрения государства – как институтом власти, обладающим исключительным правом карать или миловать, – и стремлением личности к свободе внутри социума. В дальнейшем эти две точки зрения будут основополагающими в дискуссиях различных философских школ относительно феноменов войны и мира в человеческом бытии.

При этом стоит отметить, что человечество с момента написания трактата „К вечному миру“ накопило весьма солидный гуманитарный и правовой потенциал в деле контроля над вооруженными конфликтами. Вероятно, именно сейчас, в экзистенциальном, основанном на личном опыте переживания тех или иных событий, осмыслении философского наследия Канта его концепция имела бы основополагающее значение в прекращении войн. „Союз мира (*foedus pacificum*) и который отличался бы от мирного договора (*pactum pacis*) тем, что последний стремится положить конец лишь одной войне, тогда как первый – всем войнам, и навсегда“, – не просто возможен, а критически необходим»³¹, – подчеркивал «изящный магистр».

Завершить эту главу, на наш взгляд, стоит его же высказыванием. «Стремитесь, прежде всего, к царству чистого практического разума и к его справедливости, таким путем ваша цель (благодать вечного мира) приложится сама собой», – писал Иммануил Кант³².

³⁰ Гегель Г.В.Ф. Философия права / Пер. с нем.; ред. и сост. Д.А. Керимов и В.С. Нерсисянц. М.: Мысль, 1990. 534 с. Текст: непосредственный. С. 480.

³¹ Кант И. К вечному миру / И. Кант // Гражданское общество в России: научная электронная библиотека. URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Kant.K_vechnomu_miru.pdf (дата обращения: 10.04.2024). Текст электронный. С. 14.

³² Там же. С. 36.

Глава 3

«Война – это продолжение политики другими средствами»

Также в труде «К вечному миру» Иммануил Кант полемизирует и с другим своим современником Карлом фон Клаузевицем, утверждавшим, что война является следствием политики. «Война есть просто продолжение политики другими средствами», – писал прусский военный и философ в труде *Vom Kriege* – «О войне»³³. Эта работа произвела переворот не только в теории и основах военных наук, но и в философском подходе к осмыслению вооруженного конфликта.

Отметим также, что Карл фон Клаузевиц служил в русской армии во времена Отечественной войны с Наполеоном (1812–1814) и принимал участие в Бородинском сражении.

Эта работа произвела переворот не только в теории и основах военных наук, но и в философском подходе к осмыслению вооруженного конфликта. Можно сказать, что труд Карла фон Клаузевица «О войне» является его *Magnum opus* – «Великим творением». Над трактатом он работал до самой смерти, и, хотя сочинение не было доведено до конца, вдова Клаузевица опубликовала его в 1832 году. Принято считать, что этот трактат оказал на военачальников конца XIX – начала XX века большее влияние, чем любой другой труд по данной тематике.

Фон Клаузевиц дает следующее определение войне как социокультурному феномену: «... Итак, война – не только подлинный хамелеон, в каждом конкретном случае несколько меняющий свою природу; по своему общему облику (в отношении господствующих в ней тенденций) война представляет удивительную троицу, составленную из насилия, как первоначального своего элемента, ненависти и вражды, которые следует рассматривать как слепой природный инстинкт; из игры вероятностей и случая, обращающих ее в арену свободной духовной деятельности; из подчиненности ее в качестве орудия политики, благодаря которому она подчиняется чистому рассудку. Первая из этих трех сторон главным образом относится к народу, вторая – больше к полководцу и его армии, и третья – к правительству...»³⁴

Это суждение впоследствии получило название «Троица Клаузевица»: оно представляет войну как динамику триединства факторов насилия, случайности и упорядоченности. «Троица Клаузевица» и является, по сути, философской интерпретацией феномена войны в авторском изложении. При этом Карл фон Клаузевиц и его последователи многократно подчеркивали изменчивую природу любого вооруженного противостояния, и это позволило построить аналогию с определением войны, предложенным древнекитайским мыслителем и стратегом Сунь-Цзы: «Форма у войска похожа на воду. Вода организует течение в зависимости от местности; войско организует победу в зависимости от врага»³⁵.

Таким образом, мы можем наблюдать некий универсализм суждений философов, относящихся не только к разным историческим эпохам, но и к различным культурам. Вполне вероятно, что Карл фон Клаузевиц был знаком с идеями Сунь-Цзы, то также мы вправе предположить, что определенная дивергенция взглядов на одну и ту же проблему определяется антропоцентричностью боевых действий. Отметим, что именно антропоцентричность и выступает основной детерминантой феноменов войны и мира в философском восприятии.

³³ Клаузевиц К. фон. О войне / Пер. с нем. А. Рачинского. СПб.: Азбука-Аттикус, 2021. 731 с. Текст: непосредственный. С. 41.

³⁴ Клаузевиц К. фон. Указ. соч. С. 124.

³⁵ Искусство править миром. Искусство войны / Сунь-Цзы; перевод с китайского В.В. Башкеева. Книга пяти колец / Миямото Мусаси; перевод с японского Р.В. Котенко, А.А. Мищенко, А.А. Петрова. Изречения / Конфуций; перевод с китайского П.С. Попова. М.: АСТ: ОГИЗ, 2023. 352 с. (Классика истории и культуры. Лучшее). Текст: непосредственный. С. 53.

Пытаясь осмыслить характер военной революции рубежа XVIII и XIX веков, Клаузевиц первым провел различие между ограниченной и тотальной войной. Иногда ему приписывается проповедь именно тотальной формы войны, которая в XX веке приняла форму мировых войн и унесла жизни миллионов гражданских лиц. Это не вполне справедливо, так как за три года до смерти автор взялся за пересмотр соответствующих положений своего труда. Он успел переписать только начало и конец книги: изложение принципов тотальной войны усматривают в тех главах, которые остались непересмотренными.

Одной из главных составляющих успеха любой армии в условиях «тумана войны» (то есть неразберихи, путаницы), по Клаузевицу, является «полнокровное чувство победы», то есть победные психология, дух, мораль. Война, таким образом, не замкнута сама на себе: по мнению мыслителя, это «продолжение политики иными средствами».

Немаловажным достижением фон Клаузевица является то, что он определяет войну как инструмент ведения именно межгосударственной политики. По его словам, именно государство является и субъектом, и объектом войны.

За пределами Пруссии труд Клаузевица получил известность после того, как его назвал своей настольной книгой Гельмут фон Мольтке, архитектор немецкой победы во Франко-прусской войне, поразившей Европу своей молниеносностью.

Отметим, что за время исторического развития воззрений философов различных школ и направлений на сам феномен войны определений вооруженного конфликта появились сотни. И все они в определенной мере являются отражением взглядов мыслителей на данную глобальную проблему человечества. Для нас же важен высказанный универсализм статуса войны как явления, заявленный к тому же представителями абсолютно различных философских школ, отстоящих друг от друга на расстоянии веков. Все это лишь подчеркивает всеобъемлющее значение войны как явления в человеческом бытии. Из этого и будем исходить, рассматривая в дальнейшем это явление.

Глава 4

От «Войны джентльменов» к тотальному уничтожению

Долгое время считалось, что «историю пишут победители». В массовом сознании преобладал героико-патетический подход к описанию вооруженных конфликтов и их последствий. Отчасти из-за масштабных Наполеоновских войн, а отчасти из-за колониальной политики Британии, Франции и других ведущих держав того времени. Во всех этих конфликтах аристократия играла ведущую роль, поскольку ее представители занимали практически все командные должности в армии и на флоте. Наиболее ярко такое отношение к войне иллюстрирует информативная цитата из романа «Четыре пера» А. Мейсона (1902):

«— Дед убит ядром на корабле Нельсона, отец погиб в Инкермане, с дяди сняли скальпы индейцы. Хорошая семья, есть что вспомнить.

— Он застрелился?

— Конечно.

— По крайней мере, ему хватило мужества застрелиться.

— Мужества? А что еще ему оставалось делать? Трусам нет места в Англии»³⁶.

В дальнейшем новые виды вооружения и тактики только усилили свое господство на поле боя, формируя новый облик вооруженных конфликтов. Однако своего апофеоза тенденция тотального уничтожения достигла в Первой мировой войне. Поначалу, как это ни странно, перспектива Великой войны вызывала неподдельный оптимизм у всех сторон будущего конфликта. Даже появилось такое выражение: «Джентльмены идут на войну». На то, что стало впоследствии мировой бойней, шли, словно на праздник или на пикник.

Важно отметить, что философом, осознававшим ужас предстоящей мировой войны, оказался великий русский мыслитель Николай Бердяев. Его фундаментальная работа «Судьба России» ценна для нас, прежде всего, огромным гражданским мужеством философа, которого не захотели слушать на волне милитаристского угара и военной эйфории, переходящей в истерию. «И та война, которая началась в конце июля 1914 года, есть лишь материальный знак совершающейся в глубине духовной войны и тяжелого духовного недуга человечества. Война не создала зла, она лишь выявила зло... Внутренняя война была прикрыта лишь поверхностным покровом мирной буржуазной жизни...»³⁷ — констатировал Бердяев.

Но очень скоро массовое применение тяжелой гаубичной артиллерии, отравляющих газов, пулеметов, аэропланов и танков превратили Первую мировую войну в настоящий промышленный конвейер смерти. Фактически впервые в мировой истории война утратила практически все черты героики, личного мужества и самопожертвования. Героизм отдельно взятого солдата или офицера уже ничего не решал по сравнению с разрушительной мощностью 152-мм или более мощного осколочно-фугасного снаряда, выплевывающего 800 пуль в минуту пулемета системы Хайрема Максима. Отметим — первым в мире оружием с автоматикой на основе отвода пороховых газов из канала ствола. Мужество уступало под натиском горчичного газа, названного впоследствии по месту его первого применения ипритом, от речки Ипр.

Да, беспримерное мужество защитников русской крепости Осовец и печально знаменитая «Атака мертвецов» 24 июля (6 августа) 1915 года после применения противником отравляющих веществ стала впечатляющим событием и образцом мужества русских солдат. Но в конечном итоге осталась всего лишь одним из эпизодов.

³⁶ Мейсон А. Четыре пера / Пер с англ. С. Маненкова. М.: Автор, 2023. 568 с. Текст: непосредственный. С. 31.

³⁷ Бердяев Н.А. Судьба России. М.: АСТ, 2023. 382 с. Текст: непосредственный. С. 191.

Символом бессмысленных жертв Первой мировой войны стала, несомненно, битва при Вердене, или же «Верденская мясорубка». У небольшого французского города почти за год наступления германских войск и последующего контрнаступления французов с 21 февраля по 18 декабря 1916 года на фронте шириной всего 15 километров обе стороны потеряли порядка 1 000 000 человек, причем только убитыми – до 43 000 человек. Никаких тактических результатов сражение не принесло.

Трагические реалии Первой мировой войны ярко описал немецкий писатель Эрих Мария Ремарк в произведении «На западном фронте без перемен», увидевшем свет в 1929 году, – в наиболее популярном антивоенном романе. Сам автор воевал в окопах и даже был награжден Железным крестом, но отказался от награды по этическим соображениям. «Снаряды, клубы газа, танковые флотилии – задавить, разьесть, убить. Дизентерия, грипп, тиф – задушить, сжечь, убить. Окопы, лазарет, братская могила – больше никаких возможностей»³⁸ – так описывал Ремарк реалии позиционной войны на Западном фронте.

Такой же промышленный характер боев Первой мировой войны подчеркивал и другой участник тех событий – писатель и мыслитель Эрнст Юнгер. Он воевал на Западном фронте с декабря 1914 по ноябрь 1918 года в составе 73-го ганноверского фузилерного полка. Участвовал в боях при Сомме, Пашендале, Камбре. Эрнст Юнгер получил 14 ранений, был произведен из рядовых в офицеры и трижды награжден. Наиболее известное из его произведений о событиях Первой мировой войны – «В стальных грозах»³⁹ на основе фронтовых дневниковых записей.

В другой книге – «Рядовой Штурм» – Юнгер пишет следующее: «Затерянность в пространстве смертельного одиночества, от которого негде скрыться, мощь стальных дальнбойных машин, невозможность передвигаться не иначе как ночью выдавали за произошедшее застывшую массу титана. В смерть бросались, не помня себя, и она настигала, приходя неизвестно откуда. Рассчитанный выстрел искусного стрелка, прицельный огонь орудий вместе с восторгом единоборства уступили место неразборчивому пулеметному огню и сконцентрированным артиллерийским ударам. Решение можно было вычислить арифметически: кто накрыл определенную площадь в квадратных метрах большим количеством снарядов, тот зажимал уже победу в собственном кулаке. Грубый натиск масс на массы, кровавая схватка производства с производством, изделий с изделиями – вот что такое была битва»⁴⁰.

В рамках поиска концептуального превосходства над противником в период Первой мировой войны стоит вспомнить теорию итальянского генерала Джулио Дуэ (1869–1930), которая впоследствии оказала огромное воздействие на развитие взглядов генералитета ведущих мировых стран на вооруженный конфликт как феномен человеческого бытия. Концепция превосходства в воздухе как одном из путей выхода из тупика позиционной войны относится к периоду Первой мировой войны. Так, еще в 1915 году итальянский генерал предложил применить 500 бомбардировщиков в Первой мировой войне против Австрии. Его план был отвергнут, а сам Джулио Дуэ за критику руководства был приговорен к тюремному заключению. Но впоследствии в 1921 году он обосновал свои идеи в фундаментальном труде «Господство в воздухе»⁴¹.

При этом Джулио Дуэ предлагал использовать массированные удары авиации не только и не столько против собственно вооруженных сил на передовой, сколько против гражданской и

³⁸ Ремарк Э.М. На западном фронте без перемен / Пер. с нем. Н. Федоровой. М.: АСТ, 2023. 320 с. Текст: непосредственный. С. 308.

³⁹ Юнгер Э. В стальных грозах / пер. с нем. Н.О. Гучинской, В.Г. Ноткиной. СПб.: Владимир Даль, 2000.

⁴⁰ Юнгер Э. Лейтенант Штурм // Юнгер Э. Рискующее сердце / пер. с нем. В.Б. Микушевича. СПб.: Владимир Даль, 2010. С. 45.

⁴¹ Дуэ Дж. Господство в воздухе. Вероятные формы будущей войны. Военная доктрина генерала Дуэ. М.: АСТ; СПб.: ТЕРРА Фантастика, 2003. 606 с. Текст: непосредственный.

промышленной инфраструктуры противника с целью лишения его сил и средств вести войну. Немаловажным фактором военный теоретик считал физическое и моральное воздействие массированных авиаударов на гражданское население.

Он предлагал наносить удары по критически важным объектам инфраструктуры. В этом контексте он даже предлагал варианты боевой загрузки самолетов для подобных опустошительных атак. Треть нагрузки должна приходиться на фугасные авиабомбы для разрушения зданий и сооружений; треть – на зажигательные, чтобы спровоцировать массированные пожары и еще треть – это химические боеприпасы, которые помешали бы пожарным бороться с огнем. Также Джулио Дуэ настаивал на массированном первом ударе и применении только одного типа ударного самолета. До самой смерти в 1930 году он отстаивал свою доктрину воздушной войны, которая в некоторой степени стала аналогом блицкрига, разработанного уже генералами вермахта в нацистской Германии. Его доктрина «воздушной войны» в определенной степени стала пророческой. Ее применимость в дальнейшем на поле боя подтвердили массированные бомбардировки в ходе Второй мировой войны таких городов, как Лондон (1940), Ленинград (1941–1944), Сталинград (1942), Гамбург (1943), Дрезден (1945), Токио (1945), атомные бомбардировки Хиросимы и Нагасаки (1945).

Забегая вперед, отметим, что в дальнейшем доктрина господства в воздухе Джулио Дуэ повлияла на формирование «воздушно-наземной войны» – AirLand Battle, сформулированной впервые в полевом уставе ВС США FM 100–5 от 1982 года, а также на дальнейшее развитие военной мысли, итогом которого в настоящее время стала концепция сетецентрической войны, о которой речь пойдет в следующих главах этой книги.

Другим возможным выходом из «позиционного тупика» Первой мировой войны стало применение еще одной качественной новинки вооружений – танков. Впервые качественно новые бронированные гусеничные машины с пулеметным, а позднее – с пулеметно-пушечным вооружением применены в 1916 году при прорыве немецких укреплений во Франции на реке Сомма английской армией.

Выдающийся писатель и очевидец боев Эрих Мария Ремарк описывал появление танков на поле боя Первой мировой войны так: «Танки, бывшие когда-то предметом насмешек, стали теперь грозным оружием. Надвигаясь длинной цепью, закованные в броню, они кажутся нам самым наглядным воплощением ужасов войны. Орудий, обрушивающих на нас ураганный огонь, мы не видим, стрелковые цепи атакующего нас противника состоят из таких же людей, как мы, а эти танки страшны тем, что они – машины, их гусеницы бегут по замкнутому кругу, бесконечные, как война. Они – подлинные орудия уничтожения, эти бесчувственные чудовища, которые ныряют в воронки и снова вылезают из них, не зная преград, армада ревущих, изрыгающих дым броненосцев, неуязвимые, подминающие под себя мертвых и раненых стальные звери. Увидев их, услышав тяжелую поступь этих исполинов, мы съеживаемся в комок и чувствуем, как тонка наша кожа, как наши руки превращаются в соломинки, а наши гранаты – в спички»⁴².

Художественная сила этих строк убедительно передает ощущения людей, оказавшихся в пограничной ситуации и познавших реалии *бытия-к-смерти* – по Мартину Хайдеггеру⁴³. Подобное состояние сам философ характеризует как отождествление наличного бытия – *Dasein* с возможностью смерти, как «абсолютного ничто», то есть *Das Nichts*. Такая двойственность и позволяет определить экзистенциальную сущность бытия и его полноту для отдельного индивидуума. «Смерть всегда моя»⁴⁴, – писал Хайдеггер. В этом и заключен мировоззренче-

⁴² Ремарк Э.М. Указ. соч.

⁴³ Хайдеггер М. Время и бытие / Пер. с нем., вступительная статья и комментарии В.В. Библихина. М.: Республика, 1993. 447 с. Текст: непосредственный.

⁴⁴ Там же. С. 240.

ский переворот, который своей глубиной восприятия и переживания новых явлений формирует и новую парадигму войны и мира.

Не менее ярко показано в этом эпизоде и подавляющее качественное превосходство первых танков, которое переводит на качественно новый уровень все восприятие ужасающих реалий войны. Ни окопы или инженерно-саперные заграждения, ни даже огонь своей артиллерии не могут больше гарантировать защиты пехоте. С момента появления танков на поле боя в 1916 году они остаются основной боевой силой на полях сражений вот уже более ста лет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.